

Везунчик Пашка

Он постоянно так себя называл. Жил играючи, словно проверял саму жизнь на прочность. Говорят, у каждого человека есть свой код. У Пашки он был на саморазрушение. Словно пограничник, ходил он по краю черты: манила грязь, призывали пороки. На все мольбы Татьяны остановиться он смеялся ей в лицо и отмахивался. Мол, живу, как хочу. Как умею. Как могу. Мол, не тебе меня судить, ведь я везунчик по жизни. Это кто-то там спивается и садится на иглу, он не из таких. Это другие корчатся в страшных ломках и смертельной агонии. У него все будет иначе. Он всегда может сказать себе «стоп!» и начать все сначала. Наивный глупый мальчик. Ее несчастный заблудившийся сын.

Людские легенды

С того момента, как оборвалась Пашкина жизнь, прошло несколько лет. И не было ни дня, чтобы женщина не вспоминала те годы, пытаясь понять, почему это случилось с ее сыном? Когда она проморгала тот момент, где хрупкая веточка надломилась? Может, тогда, когда узнала о своей беременности и начала сомневаться, сможет ли второй ребенок спасти трещащий по всем швам брак? Или тогда, когда семья едва сводила концы с концами, и Татьяна не купила десятилетнему Пашке велосипед, и он проплакал всю ночь? А возможно, это произошло тогда, когда женщина влюбилась в другого мужчину и ушла с двумя сыновьями от деспота мужа? Эти вопросы давно стали риторическими, ответа на них нет и уже не будет.

Мы были знакомы с Татьяной давно, по долгу службы. Периодически встречались на различных мероприятиях, иногда созванивались, уточняя необходимую информацию. Улыбчивая, деятельная и интеллигентная женщина всегда располагала к себе.

У таких, как Татьяна, непременно должны быть хорошие и воспитанные дети. Они умные, щелкают сложные интегралы словно орехи, посещают сразу несколько кружков и секций, а в кармане у них действующий абонемент читального зала.

У таких, как Татьяна, умный и энциклопедически начитанный муж, который знает, что Бетховен - это выдающийся немецкий композитор, а не огромный пес породы сенбернар из голливудского фильма.

И вечера в такой семье непременно проходят в до слез гармоничной обстановке, где глава семьи листает распухшие от похвал педагогов дневники своих благообразных детей, а идеальная жена воспроизводит на кухне добрую половину поваренной книги, разумеется, на скорую руку...

О том, что на самом деле происходит в домах знакомых и близких нам людей, мы можем только догадываться.

У меня есть одна подруга, зовут Светкой. Она по молодости неудачно вышла замуж, через несколько лет снова отправилась в ЗАГС. На этот раз ее избранник оказался настоящим подарком. Со Светкой они составили до тошноты идеальную пару: называли друг друга ласковыми прозвищами, держались за руки, приглашали гостей, устраивая каждый раз гастрономический пир, вместе отдыхали. Мы, их друзья, постоянно приводили эту сладкую парочку друг другу в пример, радуясь и одновременно завидуя дарованному свыше счастью. Этой легенды Светка с мужем придерживались года два, после чего выяснилось, что никакой жизни, в том числе и интимной, у пары нет практически с первого дня знакомства. Потому как возбуждали «идеального» мужчину отнюдь не дамы, и все свое свободное время он проводил на порносайтах соответствующего содержания.

Татьяна открылась случайно, в переписке. Неожиданно для меня, да и, скорей всего, для себя тоже, она написала о своем горе. Через несколько дней мы встретились в кафе. Я попросила Татьяну рассказать свою непростую историю, она согласилась. По словам женщины, она не касалась этой темы достаточно долгое время, но груз пережитого давил по-прежнему.

- Возможно, станет легче, когда озвучу то, что творится в душе, - постаралась объяснить порыв откровенности моя собеседница. Мы заказали по чашке кофе и уединились в дальнем углу уютной кафешки.

Гудбай, папа!

- Смешно сказать, но в свои 22 я считала себя очень мудрой женщиной. Была уверена: если встречу мужчину, это навсегда. Ведь только полные дуры разводятся, не в состоянии сохранить брак. Это их предают мужья: изменяют, обманывают, пользуют. Я же всегда стремилась служить мужчине верой и правдой, ожидая взамен безграничного уважения и любви.

Когда мы поженились с Кириллом, я сразу принесла себя в жертву на алтарь семьи. Я растворилась в муже без остатка, пытаюсь стать воздухом, которым он дышит. Это была большая ошибка. Жизни жертвы не нужны, она их изначально отрицает. Все мои горячие борщи и супы, наглаженное белье, постоянная улыбка на лице, даже если на душе скребут кошки, – все было в корне неверно.

Пойми правильно, я не призываю к тому, что всем женам нужно перестать стирать, готовить и начать плевать в потолок. Я говорю, что забывать о том, что ты личность, нельзя никогда. А я забыла.

Со временем я превратилась в кастрюлю, которую муж, когда хотел, брал с полки, а когда надоедала, задвигал куда подальше. Конечно, ему нравилось, что дома было чисто, всегда первое, второе и компот с ягодками. Когда Кирилл возвращался со своих гулянок, то падал на кровать со словами: «Как хорошо!»

В то, что муж мне изменяет, я отказывалась верить до последнего. Ведь я и в

постели старалась на пятерку с плюсом, откровенно недоумевая по поводу его возможных измен!

В браке у нас родилось двое сыновей. О детях муж вспоминал только по большим праздникам, а если я что-то покупала мальчишкам, то врала, что на покупки потратила гораздо меньше денег. Кирилл был жадным, и 50 рублей, неоправданно переплаченных за ботинки ребенка, могли запросто привести нашего папу в бешенство.

Мы прожили вместе 16 лет, и однажды у меня открылись глаза. Просто утром я проснулась и поняла, что выросла из этого брака и не хочу больше тратить жизнь на нелюбимого человека.

Семке тогда было 15, Паше – 10. Мальчишки меня поддержали. Мы устали жить в постоянном напряжении, ведь когда наступал вечер и Кирилл должен был появиться на пороге, в доме сгущались настоящие тучи. Мы знали, что сейчас придет папа и начнутся придирки, насмешки или, как сегодня говорит молодежь, унижительные предъявы.

В какой-то момент я поймала себя на мысли, что давно разговариваю с мужем азбучным языком, подбирая простые, более понятные ему фразы. Как с сумасшедшим!

Но последней каплей стала пощечина, которую мне Кирилл залепил, когда я попыталась выяснить, изменяет ли он мне с соседкой.

Разводились долго и унижительно. Благо, квартиру разменяли практически сразу. Нам с мальчиками достался не самый лучший вариант - однокомнатная хрущевка, угловая на 1 этаже. Под нашими окнами постоянно ходили люди, пели брачные песни коты, газовали машины, но это было самое лучшее время за последние несколько лет.

Когда сыновья и я приходили домой - они со школы, а я с работы, мы буквально падали плашмя и отсыпались. Ведь нам больше не нужно было ничего из себя изображать, ходить по струнке, выслушивать лишние смыслы обвинения. Все это осталось в прошлом.

Муж приходил с разборками, каждый раз намереваясь остаться. Нет, он не извинялся и не сулил нам с детьми золотые горы. Просто констатировал факт - сегодня переночую здесь. Тогда я звонила старшему брату, который словно Бэтмен несся на помощь.

Иногда в ход шли кулаки, потому как Кирилл считал нас своей собственностью и расставаться с мягкими и удобными тапочками не спешил. Его визиты прекратились только тогда, когда я сказала, что встретила другого мужчину. Это сработало. Однажды он исчез, забыв начисто не только про меня, но и про детей.

И вот когда Кирилл оставил нас в покое, начал бузить Пашка. Мой мальчик, который еще вчера мог заплакать, потому что забыл сделать «домашку», вдруг решил, что учиться – глупое и бесполезное занятие. Сначала он

банально прогуливал уроки, затем стал врать. Постепенно ко мне выстроилась очередь из педагогов, желающих указать на успеваемость и поведение младшего сына. На родительских собраниях, словно душ Шарко, на меня обрушивался поток дурных новостей. Сотрудничества со школой не получилось, мне было стыдно, я втягивала голову в плечи и впитывала, впитывала, впитывала. Больше всех старалась Пашкина классная. Она пророчила сыну будущее в школе для дураков, а в далекой перспективе работу дворника. Мол, на большее он не способен. Не потянет. Я что-то невнятное лепетала в ответ, а придя домой, устраивала сыну настоящую взбучку. Только теперь понимаю, насколько была неправа.

А потом Пашу ударила учительница географии. Сын нагрубил ей и получил пощечину при всем классе. И понеслось. Педсоветы, бесконечные беседы с психологом: девушкой с кукольным ротиком, которой едва исполнилось 18. Географичку из школы уволили, дело замяли. Я выбрала, как мне тогда казалось, единственно верную позицию – мы все преодолеем и никого казнить не будем. Возможно, я ошибалась.

После того инцидента у меня вообще опустились руки. Как теперь я могла требовать от сына уважения к учителям, если в ответ они могут его оскорбить или даже ударить?

Старший сын к тому времени уже поступил в техникум. С Семеном у меня никогда не было проблем. Он всегда был взрослым, даже в детстве. Таких детей часто называют «маленькими старичками»: рассудительные и ответственные не по годам.

Паша же был другим. Он постоянно провоцировал окружающих своим поведением, и одним из его любимых занятий было шокировать меня.

У них все будет по-другому

- Помню, когда ходила беременная Семкой, представляла, как будет расти мой ребенок. Я не желала ему той участи, которая когда-то досталась мне. Когда я была подростком, меня дразнили сверстники за пышные формы. Поэтому школьные годы вспоминать до сих пор не люблю.

На мои жалобы мама только отмахивалась или смеялась. Она говорила, что всем этим мальчишкам я просто нравлюсь, и, мол, так они выражают свою симпатию. Может, так оно и было, но, согласись, довольно сомнительное утешение для двенадцатилетней девочки.

Папе вообще было не до меня, он зарабатывал на хлеб с маслом, а свободное от работы время обогащал алкоголем.

В нашем подъезде жил один мальчик. Он частенько поджидал меня у дома. Как же я его боялась! Его грязных слов, насмешливых взглядов, обидных прозвищ. Затравленным зверем пряталась я в чужих подъездах, часами бродила возле дома, не решаясь приблизиться.

Наконец я видела, что путь свободен - у подъезда никого нет. Оглушенная ударами собственного сердца, бежала я к дому, мечтая захлопнуть дверь за

спиной и оказаться в безопасности. Но мой палач не дремал, он ждал внутри. Где и настигал. Надменный и колючий взгляд того мальчишки до сих пор стоит перед глазами. Безжалостный подросток прекрасно знал, что толстая девчонка его боится. Что боялась его вчера и будет бояться завтра. Закусив губу, бежала я вверх по лестнице, чтобы затаиться и переждать. Дожить до следующего дня. Дня, когда все повторится сначала. Но это будет завтра, а завтра еще так далеко. Тогда мне казалось, что в целом мире я одна-одинешенька и так будет всегда.

Глядя живот, я мечтала о том, чтобы у моих детей было все иначе. Чтобы мой ребенок слушал свою особую музыку, идеализировал киношных кумиров, влюблялся, учился строить отношения с другими людьми, а я всегда была рядом: добрая, все понимающая и безгранично любящая. В принципе, с Семкой все так и вышло. Мы преодолели подростковый возраст старшего сына вместе, без крутых виражей и неприятных эксцессов. Он прислушивался к моим советам, хотя ведомым не был. После техникума сам захотел продолжить учебу, поступил на заочное в престижный столичный вуз, пошел работать.

С Пашей этот номер не прошел.

Казалось бы, вот он – трудный подросток во всей своей красе, давай поддерживай, учи, направляй. Но невозможно достучаться до небес, когда у человека на уме одна только грязь. Подруги советовали: заинтересуй пацана чем-нибудь. Но сына привлекала только улица. Вечные разборки, выяснение отношений, спорные подвиги и перетирание каких-то криминальных тем - вот что было данностью для моего мальчика.

В шестом классе Паша предложил посмотреть свой любимый музыкальный клип. Я обрадовалась, ведь у нас уже начались проблемы в общении друг с другом. Клип был мерзкий и пошлый. Какие-то дети пели про наркоманские косяки, групповуху, бухло и откровенно все демонстрировали на экране. Я молча смотрела на монитор компьютера, а на затылке шевелились волосы от страха. Разумеется, я не ханжа и понимаю, что все вышеперечисленное имеет место быть, но то, как светились глаза младшего сына, повергло меня в ужас. Паша реально получал удовольствие. И не столько от «песни», как от моей реакции.

Уже который день он приходил домой с перегаром. Когда я пробовала поговорить, сын только отмахивался и врал. Говорил, что стоял рядом с пьяными приятелями, что поел забродившего варенья, или что так пахнет его новая жвачка. Первое время я верила как последняя идиотка. Иногда казалось, что я ошибалась, что приторный аромат алкоголя мне просто мерещится. Но это был элементарный самообман. Спустя какое-то время Паша стал открыто говорить, что попил с друзьями пивка. Подумаешь, проблема!

Страшно такое признать, но когда сын находился рядом, мне это начало доставлять боль. Причем даже физическую. Трудно было слышать его голос, боль сидела в груди тупой занозой.

Прятели сына вели себя по-хамски в подъезде. Я просила его и умоляла не стоять с ними на лестничной клетке. Все напрасно. Периодически я выскакивала в подъезд, словно фурия, и кричала, чтобы они уходили. Пашка стоял с безразличной миной. Он тут не при чем, они сами пришли. А эти утра! Самое ненавистное время суток, когда я начинала его будить. Стаскивала с кровати, скидывала одеяло, гладила по голове, просила по-хорошему, затем по-плохому. Результата - ноль. Но только звонил телефон или кто-то стучал в дверь, Пашка сразу подскакивал и бежал, бежал бегом.

Вранье. Кругом одно вранье. Сын врал на каждом шагу. Как только он начинал говорить, я съеживалась, будто сгоревшая бумага: сейчас он опять соврет, сейчас снова обманет.

Меня не покидало чувство, что все это происходит не со мной, что я барахтаюсь в чьем-то чужом балахоне: путаюсь, пытаюсь вырваться, но ничего не выходит.

Но ведь это был мой родной сын. Если верить Лууле Виилме (а я ей верила), то дети наше отражение. Интересно, что же отражал мой мальчик? Мою темную сторону луны?

Мы каждый день проводили в схватке. Со временем эти бои превратились в жеванную-пережеванную жвачку. Месиво. Грязное и серое.

Иногда возникала мысль: уехать. Хотя бы на несколько дней. Бросить все к чертовой матери и уехать. Не видеть и не вспоминать. Глотнуть воздуха где-то там, вдали от всего этого. Мне не хватало кислорода, когда я была рядом с сыном. Говорят, самый темный час - перед рассветом. У меня же он затянулся на долгие годы, словно беспросветная ночь.

Я догадывалась, что вызывающее поведение сына – отголоски подросткового возраста, что это должно пройти с годами, но невозможно жить, когда все время больно! Как жить, когда все время тревожно и беспокойно? Так же чокнуться можно!

Ты извини за такой сумбур. Просто говорю сейчас все, что на душе накопилось.

Может, своим поведением Паша хотел мне что-то сказать, а я этого так и не поняла? Или просто он был таким и шел своим путем? Не знаю.

Сынок мог выхватить из моих рук стакан с водой и отнести его в подъезд приятелю. Мог отдать мое серебро подруге, а когда я замечала свои кольца на ее пальцах, сказать, что у нее такие же.

Скажешь, мелочи? Но в мелочах прячется дьявол.

Из кошелька все чаще стали пропадать деньги, из дома - ценные вещи. А врал Паша виртуозно, не подкопаешься.

Я сходила к местной гадалке. Большая тучная женщина долго тасовала карты,

лила воск на воду и, наконец, напророчила мне скорый брак. Это сообщение я пропустила мимо ушей и спросила про сына.

Предсказательница ответила, что мальчик в опасности, мол, ходит по краю пропасти. И все. Рецепта и волшебного заклинания за весьма недурную плату я так и не получила.

Безответное письмо

Мне было страшно за сына. Страшно за нас обоих. На тот момент Паша был уже замешан в кражах нескольких телефонов. Мобильники сын уважал, и иногда я этим откровенно пользовалась. Брала с него какие-то обещания, а за это покупала ему очередной телефон. Я знаю, что поступала неправильно, но благодаря покупке в доме наступали несколько дней спокойствия и мира. Передышка была нужна мне как воздух. Когда сын спал, я молилась, стоя рядом на коленях. О господи, сколько же я молилась тогда! Ежечасно, ежеминутно, ежесекундно...

Было так горько оттого, что мой мальчик меня не слышал и не понимал. Как поступить? Постоянно пребывая в состоянии какой-то недосказанности, я думала, что еще не донесла что-то важное. Недообъяснила. И я старалась, как могла: разжевывала прописные истины, рисовала страшные картины фатального конца. Сын слушал вполуха, отвернувшись к стене, по которой в этот момент водил пальцем. Мои пламенные речи ему были безразличны, он терпеливо ждал, когда словесный понос иссякнет.

Время от времени мне и самой казалось, что смысла в моих правильных словах нет, что я больше никогда не смогу назвать Пашу сыном, прижать к груди, не тая в сердце обиду и горечь. Мне казалось, что я больше никогда его не поцелую, не приласкаю, и моя вера в светлое будущее угасала с каждым днем как свеча.

В старших классах у Паши появился закадычный приятель – Шаб. Это прозвище, производное от слова «шебутной». Они стали прогуливать школу вместе, выпивать, про курево и забитые косяки я даже не заикаюсь.

Когда я узнала о недельных прогулах сына, то взяла отпуск и стала водить его в школу за руку. Ходила с ним на комиссию по делам несовершеннолетних, где, памятуя школьную историю, жарко выступала в его защиту. На прогулки установила запрет, пыталась разговаривать с сыном на тему будущего. Точнее, в основном говорила я, а он слушал. Хоть что-то, думала я тогда, ведь вода и камень точит. Мне так хотелось верить, что сын внемлет моим словам и озвученным перспективам. Но Паша соглашался со мной, только чтобы я заткнулась и успокоилась. В криминальном мире это называется залечь на дно. И он залег.

Однажды Шаб пришел к нам домой. Он был пьяный, в компании какого-то парня, у которого из губы текла кровь. Паша вышел в подъезд, а я с замиранием сердца сидела на кухне, отгоняя от себя картины одна мрачнее

другой.

Сын вернулся и, заметив, что я нервничаю, сказал, что поводов для волнения нет, что он с Шабом больше не общается. Я купилась.

На следующий день я увидела их вместе. Они громко матерились, стоя на улице, а когда я подошла ближе, то увидела, что Паша пьян. Я не сдержалась и влепила сыну подзатыльник, а он стал бить меня по рукам. Шаб молча и довольно улыбался, глядя на нашу потасовку. Затем они ушли, а я осталась стоять посреди улицы, уничтоженная и раздавленная.

Вечером позвонила Пашина классная и сказала, что сын украл у одноклассницы деньги, а когда он ночью пришел домой, то радостно сообщил, что попробовал герыч.

Помню, как от этих слов похолодело в груди и стало трудно дышать. Я машинально схватила Пашкины руки, рассматривая вены. На это сын только рассмеялся и сказал, что колоть наркотик можно так, что никто никогда не увидит уколов.

По всем божьим законам мне необходимо было любить своего ребенка, каким бы он не был. Но все чаще я стала ловить себя на мысли, что мой сын стал чужим. Да, я молилась за него денно и нощно, но зубы предательски скрипели от злости.

Паша перестал приходить ночевать, а когда появлялся дома, то требовал, выпрашивал или попросту воровал деньги. Как же в те минуты я хотела спрятаться под большой дубовый стол и сидеть там тихо-тихо, только бы меня не нашли. В голове пульсировало – я на грани!

Вместе с родителями Шаба мы бегали по подворотням и притонам, пытаюсь найти и образумить наших детей. В один из таких забегов я встретила Кирилла. Стоял август, и бабушки продавали на улице безумно красивые дурманящие голову ароматами садовые пионы. Кирилл шел навстречу: весь напояженный и набриолиненный. Он остановился возле цветочниц и купил букет. Вечный жених!

Я в сердцах бросилась к нему, моля о помощи, но разбилась о ледяной взгляд бывшего мужа. Мол, хлебай теперь. Как в том фильме: сама-сама-сама.

Когда-то один мужчина объяснил мне этот феномен простой и категоричной до ужаса фразой: «Мы любим наших детей через женщин». То есть когда любовь проходит, то и дети отходят на второй план. К сожалению, в девяноста случаях из ста именно так и бывает.

После развода мы с детьми остались у разбитого корыта. Я, человек с высшим экономическим, подрабатывала, где только придется: заклеивала окна за 400 рублей, мыла полы на каком-то складе за 300.

Знакомые и друзья раздавали советы направо и налево, как мне поступить с сыном: выселить, запереть на замок, но главное - не давать ему денег.

У тебя когда-нибудь выпрашивал деньги наркоман, а тем более твой собственный ребенок? Это страшно. Это настоящая психологическая атака,

гнет, под который попадает все твоё естество. Ты говоришь, что так жить нельзя, и он мгновенно с тобой соглашается. Он обнимает тебя, кладет голову на плечо, уверяет, что это в последний раз, что любит и просит понять.

Ты предупреждаешь, что когда-нибудь наступит момент, когда ты не в силах будешь ему помочь, на что он ухмыляется и отвечает, что везунчик. И ты обманываешься снова и снова, пытаешься поверить в эти вечные сказки, что деньги сыну нужны на лекарства, еду, отдать долг какой-то бабушке-божьему одуванчику. Тебе не хочется верить, что в душе твоего мальчика одна чернота, ведь ты для него единственная опора. Его тыл, убежище, его спасение. Он держит тебя за руки и просит, просит, просит...

Мне было плохо, когда он был рядом. Я практически сходила с ума, когда его рядом не было. Этот чертов замкнутый круг. Каждый день я просыпалась с тревогой. Видела, что его кровать пуста, и молча молилась. Я даже написала Паше письмо, думала, что хотя бы так смогу до него достучаться.

«Сыночек, дорогой!

Я пишу тебе, потому как говорить мы с тобой разучились. И не важно, кто в этом виноват, просто разговора у нас с тобой уже давно не получается. Может, этим письмом получится донести до тебя все то, что творится у меня в душе.

Что же происходит у меня на сердце? Тогда, когда я думаю о тебе и о нас с тобой? К сожалению, это только боль, обида, тревога, страх и даже злоба. Как ты думаешь, это те чувства, которые мечтает испытывать любой нормальный человек? Нет! Это те чувства, от которых люди сходят с ума. Это те чувства, из-за которых совершаются самые ужасные и страшные поступки в жизни. Это те чувства, которые разрушают душу, сердце и губят любовь. Я не хочу и не желаю испытывать всю эту грязь и тревогу! Самая моя большая мечта - жить с тобой в понимании и в уважении друг к другу. Быть тебе не только мамой, но и другом. Сейчас же я напоминаю только злую, больную, обессиленную и беззубую собаку, которая постоянно лает, а укусить не может.

Почему же я никак не отстану и не махну на тебя рукой? Мне страшно видеть, как твоей жизнью руководят другие люди. Все без разбору. Как кто-то среди ночи может поманить тебя пальцем, и ты бежишь по этому зову. Вдруг в другой раз не позовут? Кто-то звонит среди ночи, и ты несешься в эту ночь. Вдруг не позвонит больше никто? А ведь это только твоя жизнь, и никто не вправе подминать ее под себя.

Невозможно объять необъятное, а именно - угодить всем и остаться при этом личностью.

Ты себе уже не принадлежишь. Тебя не уважают те, кто с тобой рядом. Они не уважают тебя и соответственно не уважают меня. Они воруют у тебя и у меня вещи. Они врываются в нашу квартиру и ведут себя как быдло. Они срут в подъезде, где ты живешь, прекрасно понимая, что влетит потом мне и маленько тебе. И как ты сам думаешь, ты по-

настоящему нравишься всем этим людям? Они дружат с тобой или просто используют тебя для своих целей?

Они знают, что всегда могут прийти к тебе и попросить воды, еды, бутылок, топор, да всего, чего только захочешь. Если у тебя или у меня это есть, то ты дашь. Куда ты нахрен денешься?

Теперь о твоём отношении ко мне. Если это, конечно, можно назвать отношением. Иногда ты говоришь о том, что любишь меня. Может, это действительно так, но я, извини, этого не чувствую. Любовь – чувство, и его надо чувствовать, а не только говорить о нём.

Я скажу тебе, что сама вижу. Может, я не права, но сейчас вижу только, что я для тебя пустое место. Постоянный раздражитель. Ты слышишь то, что я говорю, но не реагируешь на мои просьбы, на мои слова и даже на мои угрозы. И происходит это все, потому что ты меня просто не уважаешь. Ты можешь себе позволить нарушать мои границы. Брать, ломать и терять мои вещи. Ты можешь теперь толкнуть меня при своих приятелях или просто послать на три буквы. Ты же большой и крутой парень. А я кто? Так, куча говна...

Так вот, Я - не куча говна! Я - человек, Я - женщина, Я - твоя мама. Мне не нравится, когда ты называешь меня при своих знакомых МАТЬ. Я не понимаю, зачем ты постоянно будишь меня и начинаешь врать, что придешь через десять минут, а сам уходишь на всю ночь? Чтобы мне было побольнее, что ли? Так куда еще больнее, милый мой ребенок? От этой боли я натурально схожу с ума. Я, как сумасшедшая, теперь постоянно реагирую на каждый шум в подъезде, на каждую подъезжающую ночью к дому машину. Вдруг милиция?

Сынок! У каждой веревки есть свой конец. Ты это тоже понимаешь. У такого образа жизни, который ты начал вести, тоже имеется финиш. Он очень быстрый. Вспомни про Ваньку (приятель Паши - авт.). Он тоже не ходил в школу, за ним все бегали и бегали. Потом он прогуливал училище и тоже за ним бегали. А теперь, милый мой, он сидит в тюрьме. Потому что веревочка эта все-таки закончилась. И там его «опустят» старики. Обязательно. Это тюремный закон. Не думаю, что когда Ваня бегал от своей мамы и пил водку, то мечтал об этом. Конечно, это только твоя жизнь, и подумай сам (без моего нытья и истеричных криков), чем может закончиться твоя история. Спроси себя сам об этом. Наедине с собой. Ведь постоянно невозможно пить, гулять и ничем не заниматься. Это невозможно.

У меня тоже был свой конец. Той, другой жизни с твоим отцом. Я тогда почти умерла и, слава Богу, воскресла. Но сколько людей вообще не могут воскреснуть и погибают? Тысячи! Десятки тысяч! И почему ты решил, что ты не в этой тысяче?

Теперь о школе. Знаю, она тебя достала. Но милый мой человечек, ее надо закончить. Скрипя зубами, но надо. И пора на себя взять ответственность за свою взрослую жизнь. Быть взрослым - это значит быть таковым во всем. Не только круто убежать в ночь, но и делать

взрослые поступки, когда тебя никто не будит, а ты сам встаешь. Как взрослый. Когда ты садишься в автобус и едешь в школу сам, потому, что ты сам понимаешь - тебе надо получить образование, иначе не возьмут никуда работать. А нет работы - нет денег. Все просто. Ты все это понимаешь сам. Ведь ты уже взрослый.

Когда ты, наконец, начинаешь видеть, кто тебя окружает, и находишь в себе волю не хвататься за каждый налитый тебе стакан пива, так как ты знаешь, что утром тебе рано вставать. Ведь ты уже взрослый. Ты сам личность, и никто не вправе топтать твою индивидуальность ногами. Когда у тебя есть какие-то только твои интересы. Твои, а не чужие. Когда я, наконец, смогу вздохнуть спокойно, потому что мой мальчик вырос. И он уже совершает обдуманные и взрослые поступки. Когда в меня перестанут тыкать пальцем знакомые, учителя, соседи. Ведь теперь мой мальчик сам отвечает за свои поступки, потому что он взрослый. Я стараюсь тебя понять, почему же ты меня понять не хочешь? Ведь посмотри, все только хуже и хуже. Страшнее и страшнее. Грязнее и грязнее. Вот уже и героин попробовал. Неужели надо ждать страшного конца этой жуткой истории, в которой мы с тобой сейчас пребываем? Так, может, мы пересмотрим нашу теперешнюю жизнь с тобой? Я очень тебя люблю, правда. Но вся эта боль убивает меня. Я на грани срыва. Я живой человек, хочу жить, а не бороться с тобой постоянно. Бегать за тобой. Искать тебя, не спать ночами. Думаю, ты все сам понимаешь. Спроси себя, что происходит сейчас, и остановись, пока не поздно. Оглянись, посмотри, что ты делаешь со своей молодой и бесценной жизнью. Ведь ты уже взрослый!»

Отдав сыну это письмо, я весь день провела как на иголках. У меня буквально все валилось из рук, и ни о чем другом думать я не могла. Но чуда не случилось. Я вообще не уверена, что Паша прочел мое послание, вечером листы лежали там же, куда я их положила. Серьезного разговора с признанием ошибок и страшной зависимости не произошло. Письмо я сохранила. Наверное, оно в какой-то степени является для меня доказательством того, что я не сдавалась. Хотя именно в тот момент поняла, что сама больна, что я – созависимая.

Котенок по имени Таня

Я проштудировала соответствующую литературу, где подробно описывались три правила созависимых: «Не доверяй», «Не чувствуй» и «Не говори». Основой поведения таких людей является невозможность предвидеть будущее, подавление эмоций и желание «не выносить сор из избы», скрывая то, что происходит в семье. Созависимый полностью поглощен тем, что управляет поведением другого человека, и совершенно не заботится о своей собственной жизни. Одним словом, происходит элементарный отказ от себя, любимого. Посмотрелась как в зеркало.

Я нашла телефон группы анонимных алкоголиков и встретила с их

предводителем. Умная и образованная женщина, с хорошими манерами и прекрасным воспитанием, искала помощи у отбросов общества. Так мне тогда казалось.

К слову, Алексей не был похож на алкоголика с 20-летним стажем. Абсолютно седой мужчина с богатым словарным запасом отдаленно напоминал Юрия Никулина. Мы встретились после собрания группы в здании бывшего детского сада, где по соседству разместился кабинет юриста с многообещающей фамилией Пустая и крошечный закуток, громко называющий себя салоном красоты «Клеопатра».

- Пытаясь спасти сына, вы только усугубляете ситуацию и способствуете тому, что он будет и дальше продолжать употреблять наркотики, - сразу взял быка за рога Алексей.

Я не поверила своим ушам! Ведь самым большим моим желанием было увидеть то, как Паша выздоравливает, помочь ему в этом, но никак не подтолкнуть в пропасть.

Но это Алексей достаточно жестко парировал.

- Ваша материнская забота уже предполагает его беспомощность и неспособность делать то, что выполняете за него вы. Все это дает вам возможность чувствовать себя постоянно ему нужной. Многие поступки созависимых мотивированы страхом, а он является основой любой зависимости. У созависимых это страх столкновения с реальностью, страх быть брошенными, страх потери контроля над жизнью, страх самого ужасного конца.

Мои ноги налились свинцом, а в ушах зазвенело. Я сидела напротив битого жизнью философа-алкоголика и мысленно соглашалась и не соглашалась с ним.

А этот Юрий Никулин продолжал добивать.

- Характерные эмоции для созависимых - это тревога, стыд, вина, негодование, обида, жалость к себе и гнев. Они используются как механизмы защиты. Постепенно у созависимых повышается переносимость эмоциональной боли. Родители наркоманов и алкоголиков отодвигают на задний план свои интересы, чувства и потребности. Они продолжают опекать больного, предпринимать бесполезные действия по его «спасению», но не в состоянии ни изменить, ни прекратить такое поведение.

- Так что же мне делать? - всхлинула я. - Ведь я готова на все, чтобы этот кошмар прекратился. Я пытаюсь спасти сына своей любовью, а получается, что делаю все наоборот?!

Алексей помолчал несколько секунд, а потом рассказал одну историю.

Жил на свете алкоголик по имени Валера. Он пил по-черному. От него ушла жена, он давно потерял работу. Жил или, точнее, существовал Валера в комнате на подселении, где из мебели был только выдавший виды колченогий стул и старый прохудившийся от времени и грязных тел матрас. Все родные и

знакомые давно отвернулись от Валеры, и только старенькая созависимая мама иногда навещала опустившегося сына. Однажды старушка принесла котенка. Она подобрала его на улице. Пушистый серенький комочек пищал тоненьким голоском, сидя за пазухой пожилой женщины. Пенсионерка налила ему в крышку от банки молока, которое купила по дороге. Котенок жадно начал лакать угощение. В то утро Валера еще не был пьян и даже улыбнулся, наблюдая за милым подкидышем. Мама принесла котенка в берлогу Валеры неслучайно. В душе несчастная женщина надеялась, что забота о крошечном и беспомощном существе поможет растопить давно омертвевшее сердце непутевого сына. Что Валера, осознав ответственность за питомца, начнет жизнь сначала, воспрянет духом, и все у них будет хорошо. Аллилуйя! Через какое-то время женщина ушла, а котенок остался. Наевшись вдоволь, малыш смешно бегал по комнате, напрыгивал на ноги своего нового хозяина, играл с куском грязной ваты, выбившимся из рваного матраса. А потом свернулся у мужчины на коленях и сладко уснул. Перебирая пальцами невесомую шерстку котенка, хронический алкоголик Валера размышлял. Мужчина знал, что себе уже давно не принадлежит. Он понимал, что кормить котенка ему будет нечем и заботиться о нем он тоже не будет. Поэтому найденыш будет ужасно страдать, а через какое-то время просто умрет от голода. Обдумав положение дел остатками своего серого вещества, Валера свернул малышу шею ...

- Пока ваш сын не признает, что у него проблема, вы ничего не сможете сделать, - подытожил встречу Алексей.

Я побрела восвояси. Мне было больно и горько, ведь вместо ответов на вопросы я получила еще одну пулю в сердце.

В глубине души я понимала: Алексей прав. Мои чувства, эмоции, да вообще вся моя жизнь – несчастный бездомный котенок, над которым вершит суд мой собственный сын.

Конечно, у меня было то, что поддерживало и давало силы. Как же иначе? Это старший сын, родные, друзья, работа. Когда я приходила на службу, то с головой погружалась в мир цифр, счетов и балансов. Это помогало абстрагироваться хотя бы на время.

А потом в моей жизни появился Андрей.

Любовь

У Андрея наоборот жена была авторитарная. В его семье все ходили строем, только по определенным часам попадали на кухню, где получали по одному куску хлеба, а в туалете можно было находиться не более пяти минут - иначе начинали стучать в дверь. К моменту нашего знакомства Андрей с женой разошелся, начал жить с какой-то пьянчужкой, стал сам попивать. Нас познакомила моя подруга, она была его соседкой.

Через какое-то время я поймала себя на мысли, что думаю об этом человеке. Мы встретились снова. Затем еще раз. Любовь выскочила перед нами

нежданно-негаданно. Поначалу я испугалась нахлынувшего чувства. Как я могла стать счастливой, когда у меня было такое горе?!

Но любовь не спросила. Она беспощадно разлилась по телу, заполнив пустоты в душе. Жизнь заиграла свежими красками, а в сердце распустился волшебный бутон. Хотелось кричать и плакать от счастья, а глаза светились так, что самой темной ночью можно было смело гулять без фонаря.

Через несколько дней я рассказала Андрею про Пашку. Решила: будь что будет. Любимый молча выслушал, а затем сказал, что берет меня со всеми проблемами. Так мне сделали предложение, и через пару недель я впервые стала любимой и любящей женой.

Вот такая ирония судьбы: когда погибал мой сын, я встретила любовь.

Я все еще пыталась спасти Пашку. Муж поддерживал, беседовал с сыном, но толку от этого было мало. Теперь Паша занял позицию «мама меня предала» и вообще перестал идти на контакт.

Я устраивала его на работу, где он, продержавшись несколько дней, исчезал, прихватив чужое добро. Возила к врачам и даже экстрасенсам. Все было тщетно. Тогда я снова позвонила Алексею, и он предложил Паше прийти на собрание. Сын ходил. А вернувшись, сказал, что это чушь несусветная и пустая трата времени. Больше туда он не пошел.

Понимаешь, я до сих пор не знаю, кололся Паша или просто спивался. Хотя какая теперь, к лешему, разница?!

Помнится, сын сказал, что попробовал героин только однажды, несмотря на то, что Шаб пихал в вену все, что под руку попадет. А Пашке вроде как наркоманский приход не понравился, мол, алкоголь куда лучше вставляет. Его слова. За ними я не преминула спрятаться, пытаюсь успокоить себя: хотя бы не наркоман!

Однажды Паша поддался моим мольбам и согласился отправиться в реабилитационный центр, точнее - общину. Туда нужно было ехать на поезде, денег и сигарет с собой брать было нельзя. На руках только билет в один конец. Пашка поставил ультиматум - без сигарет не поедет, и я купила пару блоков. Отправили.

Потихоньку начала приходить в себя, хотелось верить тому, что писали на различных форумах вставшие на путь исцеления наркоманы и алкоголики. Они же смогли!

Но сын из центра сбежал. В общине у него отобрали сигареты и уничтожили. Паша в это не поверил и в первую же ночь взломал замок кабинета, где, как ему казалось, хранились сигареты и выпивка. Утром его ждал серьезный разговор, после которого сынок послал всех к такой-то матери.

Денег у него на обратный путь не было, поэтому Паша шел до ближайшей деревни пешком и звонил каждые полчаса: «Мне плохо. Забери меня отсюда». Я пыталась убедить сына вернуться, грозила, умоляла, плакала, бросала трубку... Но через полчаса он снова звонил. «Забери меня!»

На ночь его приютили местные лесорубы, а на следующий день сын уговорил

таксиста довести его до нашего города. Это «путешествие» влетело мне в копейчку. В то время я всегда находилась в поисках денег, постоянно была в долгах как в шелках: брала кредиты, занимала под честное слово, подрабатывала, экономила.

Муж говорил, что я испортила Пашу своей добротой, но я была уверена - он заблуждается. Разве можно испортить любовью?!

После возвращения из общины Пашка вдруг перестал выходить из дома. Сутками спал, смотрел телевизор, начал с нами общаться. Даже согласился поступить в училище. Я снова бросилась на амбразуру, сама собрала необходимый пакет документов, купила сыну новый костюм.

На занятия Паша ходил всего один раз - 2 сентября. И решил, что с него хватит. Мастером в его группе была очень хорошая сердобольная женщина. Она еще полгода маячила на горизонте: звонила, приходила к нам домой, упрашивала вернуться. Спасибо ей за все.

Подарок судьбы

Весной Паше пришла повестка в армию. После того как сын ходил на комиссию, меня вызвали в военкомат и показали результаты его опросника. Паша написал, что курит травку, а на вопрос: «Что будет делать в армии?», ответил: «Буду гаситься». Члены комиссии популярно объяснили, что им очередной дезертир и суицидник не нужен, и если я подпишу бумагу, где сказано, что мой ребенок - наркоман, он останется дома. Я подписала, ведь Пашка торжественно пообещал вернуться в училище.

А потом мы узнали, что умер Шаб. В 21 год у парня было сердце столетнего старика, и однажды оно просто не выдержало. Известие о смерти друга обрушилось на Пашку, словно снежный ком. А я, признаюсь честно, обрадовалась. Как старенькая мама того алкоголика Валеры наивно понадеялась: теперь мой мальчик осознает свои ошибки и расставит точки над і. На похоронах к Паше подошли родители Шаба и долго с ним разговаривали. Я благодарна им за это.

Мне так сильно хотелось верить, что эта смерть образумит сына, но я снова ошиблась. После похорон Паша пропал, а спустя несколько дней мы с Андреем нашли его в каком-то общежитии, лежащего пьяным в собственной рвоте. Нить Ариадны снова ускользнула из моих рук. Я хотела бить сына, кусать его до крови. Мне было больно даже смотреть на него. Я ненавидела его, а в какое-то мгновение захотелось, чтобы он просто умер, и все прекратилось.

Мы привезли Пашу домой, а утром он снова исчез, а вместе с ним и мое последнее золото. Помню, я закрылась в ванной и выла, словно волчица, без слез, впиваясь ногтями в ладони. Говорят, что бог не по силам испытания не дает, но в тот день я вдруг поняла, что силы мои давно иссякли. Что я больше

не могу, а главное - не хочу так жить. Андрей словно почувствовал неладное и выломал дверь. Я обрушилась на него всем весом, рыдая и причитая как полоумная. А он молча гладил меня по голове и качал из стороны в сторону. Снова оказавшись у самой черты, я едва ее не переступила. Думаю, в том числе и за это небеса так щедро наградили меня - через несколько месяцев у нас с Андреем родилась дочь.

Иногда человеку бывает настолько хорошо, что становится даже плохо. Я испытала это состояние, когда на свет появилась Маруся. Она родилась, когда нам с Андреем было далеко за сорок. Поздний ребенок стал для нас поцелуем бога, источником любви и безграничной энергии.

Сегодня, в силу своего возраста и всего пережитого, я уверена - все в этой жизни нужно делать осознанно и своевременно: выбирать профессию, выходить замуж и, разумеется, рожать детей. Но в основном у людской братии все происходит спонтанно, по наитию, залету или какому-то нелепому долгу.

Нашими поступками и желаниями руководят другие люди: сначала родители, потом окружение. Им на замену приходят стереотипы, эгоизм и невежество. Никто нас не учит строить правильно семьи, слушать зов сердца, не поддаваться всеобщему «а что люди скажут?». Наверное, именно поэтому мы и рождены грешными, нерешительными и вечно сомневающимися.

Многие сегодня утверждают, что институт брака устарел, что мир и соответственно ценности в нем давно стали другими. Как-то раз даже присутствовала при разговоре, где старшие коллеги, в основном разведенные женщины, пытались обратить в свою веру «все мужики козлы» молоденькую сотрудницу. Да я и сама хлебнула в первом браке, но все равно уверена, что женщина должна выходить замуж, брать фамилию мужа и рожать детей. Это, если угодно, ее божественная миссия.

Пашкины монстры

Когда Маше исполнилось несколько месяцев, у Паши появилась девушка. Пассия младшего сына была, как принято говорить в полиции и собесе, из неблагополучной семьи. Мама Вики рожала чуть ли не каждый год от очень разных и малознакомых мужчин, и в доме всегда были рады бутылке. Паша переехал жить к Вике. Скажу честно - мне стало легче, ведь теперь, когда в семье появился маленький ребенок, я не могла быть всецело поглощена спасением сына. Возможно, он это понял и сам ушел. Но проходило несколько дней, и Паша снова возникал у наших дверей. Он вызывал меня в подъезд, чтобы не разбудить Машку, и начинал вымогать деньги. Он сильно похудел и осунулся. От него пахло грязным бельем и невымытым телом. Я опять просила его остановиться, на что сын безразлично отвечал, что ему осталось недолго.

Через какое-то время я сдавалась и незаметной тенью (во всяком случае, мне

так казалось) пробиралась в квартиру за кошельком. Заплатив сыну за несколько дней отсутствия, я возвращалась к Марусе и любимому мужу. И так до следующего раза.

Шло время, Маша пошла в ясли, я вышла на работу. Однажды утром мне позвонил Паша и сказал, что у него из ушей лезут нитки. Я отпросилась и помчалась к нему.

Помню - еду в автобусе, кругом люди. Кто-то выходит, кто-то наоборот заходит на своей остановке. Жадно всматриваюсь в незнакомые и, как мне кажется, безмятежные лица. У этих людей свои заботы и дела, они куда-то спешат, и никто не знает про мое горе. Напротив сидит милостивая женщина, у нее звонит телефон.

- Алло, сыночек! Сдал экзамен? Какой молодец! Я горжусь тобой. Разогрей котлетки, покушай.

От этих слов бросает в дрожь: от зависти и злобы. Я кричу беззвучным криком этой женщине: «Эй, ты! Я тоже еду к своему сыну. Только он другой, он умирает!»

Пока чей-то ребенок доставал из холодильника мамины котлетки, мой сидел на полу и наматывал на кулаки невидимые нити. Рядом тряслись от страха Вика и ее малолетние братья. Оказывается, всю ночь накануне Паша «гонял гусей». Он пеленал воображаемых детей, искал какие-то вещи, пел безумные песни. Одним словом, поймал «белочку». Я вызвала санитаров, его увезли. Конец картинки.

В клинике Паше поставили диагноз: больная печень. Лекарства стоили миллион денег. Нам с Андреем пришлось влезть в безумный кредит, началось лечение.

Это был первый раз, когда сын оказался в больнице. Мы пришли к главному врачу на прием, и он отнесся к Пашке с отеческим пониманием. Да и вообще весь персонал клиники был на его стороне. Мол, парень запутался, нужно спасать. Прокапали курс, после чего отпустили на волю со словами: «Ты еще такой молодой, жизнь впереди. Давай завязывай!»

Когда через пару месяцев сын снова словил «белочку» и оказался в больнице, энтузиазм медиков заметно поулег.

Через полгода у Паши начались приступы, он снова очутился на больничной койке. Только больше душевных бесед с ним никто не вел и по плечу дружески не хлопал. Таких экземпляров, как мой сын, в больничке было предостаточно.

Тем временем у Пашки умер еще один приятель по кличке Валет.

Двадцатитрехлетний парень ушел из жизни нелепо, страшно, словно бездомная собака. Некий ревнивец, бегая по городу в поисках своей благоверной, заскочил на огонек к Вике. Валет в это время спал на полу пьяный. Местный Отелло жену свою не нашел и, уходя, в сердцах пнул в живот валявшееся на пути тело. О том, что Валет мертв, обитатели притона

догадались только спустя несколько часов – думали, он в отключке. После похорон Валета сын забаррикадировался в нашей квартире. Маруська была у бабушки, мы с мужем на юбилее коллеги. Внезапно меня потянуло домой, я сказала об этом Андрею. Мой любимый и чуткий муж извинился перед виновницей торжества, и мы по-тихому удалились. А когда приехали домой, то в квартиру попасть не смогли. Паша кричал из-за двери, что мы монстры и нам его не достать. А я тихим голосом пела под дверью детские колыбельные, убеждала, что я не чудовище, а его мама. Периодически на площадку выходили соседи, интересовались, качали головами, советовали вызвать психушку, а затем исчезали в своих норках. Только через несколько часов удалось попасть в квартиру.

Я уговорила безумного сына принять ванну, помыла ему голову вперемешку со своими слезами, укутала в махровую простыню, дала успокоительное, уложила в кровать. На цыпочках вышла из комнаты, прибираясь в прихожей. А когда замешкалась на кухне, услышала, что Паша меня зовет.

Только он был уже не в комнате, а в ванной, где перерезал себе вены. Он сделал это, если так можно выразиться, с умом, «позабыв» закрыть дверь и пригласив меня на кровавое шоу.

Кровь залила все и вся, я что-то кричала, рвала простыни на бинты, заматывала сыну руки, хлестала по щекам, чтобы он находился в сознании. Приехала скорая, Пашу определили в сумасшедший дом. Снова понадобились дорогостоящие препараты. Достали денег, купили.

Исцеления не будет

С того дня вскрытие вен в нашей ванной вошло у сына в привычку. Муж перестал ремонтировать шпингалет, гвозди держались на честном слове, и при необходимости дверь легко можно было рвануть на себя.

Слава богу, дочь этого ужаса не видела ни разу. Как-то везло. Она была то в садике, то у бабушки, то у Семена гостила. А может, ее присутствие в квартире останавливало Пашку, не знаю.

Подсознательно я понимала, что уже не в силах ничего изменить, перестала обманывать себя возможностью чудесного исцеления сына, больше не верила ему и не старалась понять.

Чувство близкой утраты поселилось в душе, и я перестала с ним бороться. Конечно, я по-прежнему боялась – не боятся только дураки. Но я смогла признаться, что это уже не моя, а его история.

После очередного вскрытия вен Паша сказал, что хочет к Шабу. Я не нашлась, что ответить, промолчала. Через несколько дней мне позвонили и сообщили, что у сына гепатит С. Я думала, что ничто в этой жизни уже не сможет повергнуть меня в шок, но ошиблась. Ведь Пашка несколько раз вскрывал вены в нашей ванной, а кровь была заражена.

Я схватила Машку и бросилась в поликлинику. Гепатита, слава богу, у нее не

нашли, но поставили на учет. К тому времени дочь пошла в первый класс, и опасный диагноз повис над ее белокурой головкой как дамоклов меч.

Приближалось мое 55-летие. Паша в очередной китайский раз лежал в больнице, умудряясь и оттуда меня изводить.

Например, он звонил утром, часов в шесть, и просил ананасового сока. Как и где я его раздобуду, сына не интересовало, мол, в городе есть магазины, работающие по круглосуточному графику. Признаюсь, бегала, искала. А он звонил и нервничал: «Ну, ты где? Скоро?»

Или покупала по его просьбе свежих фруктов, неслась в больницу на обеденном перерыве, а Паша вдруг звонил и просил шоколадных конфет. Точнее, не просил, а требовал. Снова возвращалась на рынок, покупала, бежала опять.

В одно из посещений лечащего врача я узнала, что у сына цирроз. Спасать печень было бессмысленно, она практически не работала. У Пашки отказал кишечник, он постоянно находился в памперсе. Неожиданно сын стал говорить о моем скором юбилее. Размышлял на тему, где мы будем его отмечать, дома или на природе. За последние лет шесть или семь он ни разу не вспомнил о моем дне рождения. А тут болтал без умолку. Я соглашалась. Хочешь, сынок, на шашлыки? Конечно, поедем! Дома в кругу семьи? Давай соберемся у нас.

Как только Паша перестал подниматься с кровати, Вика с горизонта исчезла. Оно и понятно. Зачем ей инвалид? Денег не приносит, выпивку и наркотики тоже. Однажды сын схватил меня за руку, крепко сжал и сказал: «Мама, я хочу жить. Помогите мне!» На какой-то миг я увидела в нем беззащитного и до смерти напуганного ребенка, карапуза Пашку. Загнанный в угол малыш смотрел на меня из глаз хронически больного наркомана и алкоголика. Горячая волна материнской нежности и сострадания поднялась из глубины души, обжигая, парализуя, и принесла с собой страшный вердикт - конец близок. Слезы полились по щекам неуправляемыми ручьями. Я ничем не могла ему помочь.

Через какое-то время мне пришлось нанять сиделку, Паше стало совсем плохо. За два дня до юбилея я позвонила на пост, и когда медсестра взяла трубку, услышала, как сын кричит от боли. Я не могла приехать к нему, у Маши была сильная ангина, а Андрей не вернулся с работы.

На мой вопрос, почему они не могут помочь сыну, медсестра ответила, что при его диагнозе обезболивающее ему не положено. Я взревела диким зверем: сейчас самое главное - облегчить муки умирающего. Укол Паше сделали. Ночью он пришел ко мне во сне. Стоял чуть вдалеке: оборванный, грязный, ноги все в гнойных язвах. Я протянула к нему руки, но его потухшие глаза смотрели куда-то вдаль, сквозь меня, а потрескавшиеся губы что-то судорожно шептали.

Утром, как только двери стационара открылись, я поднялась к сыну в палату. Он лежал абсолютно голый, накрытый простыней до плеч, голова была повернута к стене. Он всегда отворачивался во время наших задушевных

бесед.

- Сынок, - тихо позвала я.

- Он в коме, мамаша,- сказала старенькая санитарка, которую я не сразу заметила. После этих страшных слов я взяла руку сына и зажала меж своих ладоней. Рука была ледяная. Слез не было, только бесконечная пустота внутри и тикающий маятник в висках. Тик-так, тик-так...

- Сынок, - снова позвала я. И в эту минуту Паша повернулся. До сих пор не понимаю: как, находясь в коме, он смог услышать мой голос? Мистика какая-то. Накануне я прочитала в Интернете, что если у больного циррозом пойдет ртом кровь, это конец.

Когда сын повернул голову и посмотрел на меня - всего на несколько секунд, я увидела ее. Из уголка губ, тоненькая, словно шерстяная нить, текла струйка нереально алой крови. Затем он снова отвернулся к стене.

Вечером того же дня нам позвонил врач и сообщил, что Паша умер. Ему было 27. Это не было для меня неожиданностью, но и ожиданием не было тоже.

Похороны до сих пор как в тумане. Самое жуткое воспоминание – прощание с сыном в ритуальном зале. Я превратилась в камень, сидела рядом с гробом, будто гранитное изваяние, качая головой, как игрушечная собачка на панели автомобиля.

На кладбище ко мне подходили люди, рыдали на груди, просили держаться. Краем уха слышала, как Андрей поделился с тещей: «Боюсь, как бы моя Петровна (это я) умом не тронулась».

Кто-то сказал, что Паша сделал самый лучший подарок на мой юбилей - избавил от страданий.

Приходил проститься с сыном и изрядно потрепанный жизнью Кирилл. Он неуклюже сунул в мой карман пятитысячную купюру, подержал за плечи, выражая тем самым свое сочувствие.

Когда Пашу предали земле, я попросила оставить меня у могилы одну.

Смотрела на деревянный крест и вспоминала: когда сын учился в школе, то любил рисовать. Рисовал всегда одно и то же - кладбище. Шариковой ручкой на тетрадных листах были нарисованы покосившиеся кресты и женщина. Она стояла спиной, возле могилы. Под рисунком была надпись «Цените нас, пока мы живы».

Что это было? Предсказание? Предостережение? Послание?

Знаешь, я думала, что когда все закончится, то я получу ответы на вопросы, но так и не получила. Боль утраты, чувство вины, обида, материнская любовь переплелись в тугой ком, который по-прежнему находится в сердце. Думаю, что он там и останется до конца моих дней.

Я много читала про карму, ошибки прошлых воплощений, судьбоносные преступления против рода и человечества в целом, но до сих пор не могу понять, почему ЭТО произошло именно с моим мальчиком?

Прошло пять лет. За это время Паша снился мне только один раз, после сорока дней.

Мы стояли с ним, держась за руки, в каком-то доме. На Паше был хороший костюм, чистая сорочка, модный галстук. Он был такой красивый и

счастливый во сне. Вдруг ему позвонили, и он достал из кармана новенький телефон, поднес к уху и сказал: «Мне пора». Я отпустила его с легким сердцем. Из окна я увидела, что от дома тянется длинная дорога. Паша ушел по ней, разговаривая по телефону, единственной вещи в этом мире, к которой относился с благоговением.

Этими словами Татьяна закончила свой рассказ. Наш кофе давно остыл, а из-за стойки недовольно поглядывала официантка. Прошло три часа, пролетели как один миг, накрыли плотным крылом времени. История несчастной матери потрясла до глубины души: шокировала, приземлила, принесла смуту и боль. Я поблагодарила собеседницу за искренность и откровенность. Мы расплатились по счету и вышли на улицу.

- Спасибо, что выслушала, - прощаясь, сказала Татьяна.- Знаешь, после смерти сына я стала бояться молиться за родных. Ведь в те годы я засыпала и просыпалась с молитвой на губах, но это так и не спасло моего мальчика.

- Может, ты отмолила его грешную душу здесь, и теперь он на небесах? - предположила я.

- Может быть, - тихо согласилась женщина.

Мы еще постояли друг напротив друга какое-то время, а потом улыбнулись и разошлись. Нам было не по пути.

Город жил своей жизнью, погружаясь в глубокий вечер. Мимо проходили люди: кто-то шагал на службу, кто-то торопился в гости, кто-то спешил домой, чтобы налепить своим домашним вкусных котлет.

Никто из них не знал историю Татьяны, у каждого была своя собственная.